

Андрей Буторин

Перепутанные души

*Душа его просила и плоть его хотела
До истины добраться, до цели и до дна,
Проверить состоянье таинственного тела -
Узнать, что он такое: оно или она.*

В. С. Высоцкий

1

Дождь лил, не переставая, уже больше часа. По крайней мере об этом утверждали залитые водой и потому остановившиеся часы. В лес Павел брал простые, механические, им в походных условиях он доверял больше, но подвели и они. Телефон он тоже в лес не брал, связи в этих местах, как правило, не было, так зачем таскать с собой лишнее?

На самом деле прошло уже два, даже два с половиной часа — чувство времени у Павла было развито хорошо. Да и на ориентирование в пространстве Павел Гром раньше не жаловался. И вот — на тебе! Заблудился! И где — в родных, хоженных-перехоженных северных лесах...

Ну, если быть совсем справедливым к себе, лес хоть и оставался северным, но место «хоженным», и уж тем более «перехоженным» не являлось. Здесь, в ста пятидесяти километрах от дома и в полусотне — от саамского¹ поселка Кулозеро², Павел еще не был. В самом Кулозере — да, приходилось бывать; ездил на прошлогодний Праздник Севера, смотрел гонки оленьих упряжек... Затащил Герка Коготков, любитель всяческого экстрима — от тех же лопарских оленьих гонок, до ралли на джипах по лесотундре и соревнований дельтапланеристов-самодельщиков. Тогда-то Герка и рассказал о Святилище — скоплении сейдов километрах в тридцати от Кулозера. Сейды — это культовые камни у древних саамов. Павел и раньше кое-что про них слышал, но Герка рассказал все подробно и «в цвете». Во-первых, о самих камнях — какие они бывают необычными и по форме, и по расположению. Огромные булыжники, настоящие обломки скал,

¹ Саамы (лопари) — народ в северных районах Норвегии, Швеции, Финляндии и России. (*Здесь и далее — примечания автора*)

² Название поселка, одноименного озера и описания местности в повести вымышленные.

валяются там, где и скал-то никаких поблизости нет. Некоторые лежат на подставочках из камней поменьше, иногда на пологом склоне сопки, и просто удивительно, как такой булыган с этих подставочек не скатывается! Другие формой напоминают зверей, хотя камень явно не обработан — таким его вылепила природа или что еще, неизвестно... Рассказал Коготков и о «летающих» сейдах — находят, дескать, каменные подставочки, на которых еще пару лет назад видели сейд, а теперь его нет, причем, нигде — ни рядом, ни у подножия сопки, куда он мог скатиться. Или такое: в прошлый раз видели сейд на одном месте, а потом — уже в десятке метров, и не обязательно ниже, бывало и наоборот. Но самое интересное — по легендам, такие камни наделены магическими силами: внутри сейда обитает дух. И они, сейды эти, вместе с духами, в них заключенными, помогали шаманам в камлании, охотнику, соответственно, — в охоте, и вообще выполняли всяческие просьбы, если, конечно, человек им нравился. Сейдам для этого приносили жертву, чаще всего оленя, — до сих пор возле них олени рога находят. Женщины и дети, правда, к сейдам не допускались — не признавали их почему-то духи за достойных просителей. А еще на человека, сейдам не понравившегося, они и всякую-разную бяку могли напустить: болезнь, например, или в лесу

закружить так, что тот терялся в трех шагах от собственного дома. Некоторых сейды к себе даже близко не подпускали — напал на такого «отверженного» безотчетный дикий страх, отчего он и шагу в нужную сторону не мог ступить. Или сваливались вдруг неожиданные препятствия: то олени разбегутся, то ногу на ровном месте человек ломает.

Во-вторых, Коготков рассказал о легенде. Дескать, Святилище то — не просто так, и сейды его — тоже не совсем обычные сейды. Дело в том, что в них «живут» не простые духи, а те, что охраняют тайну великана Куйлы — повелителя Подземного мира. Недаром и находится Святилище вблизи от Кулозера: не самого поселка, — тот располагается, как уже говорилось, километрах в тридцати, а озера с одноименным названием. Озеро это у саамов считалось тоже священным, ведь создал его когда-то сам Куйла, когда еще жил в Среднем мире, на земле то есть. Рядом с озером и скала есть с огромным изображением самого великана. А где-то поблизости находится тайный лаз, что ведет напрямик в Подземное Царство, где и поныне правит Куйла. А поданные его — такие же могущественные великаны. Ну, чуток менее могущественные, конечно, чем сам повелитель.

В-третьих, Герка легенду обосновал. Мол, существует в научных кругах такая гипотеза, что

очень-очень давно на нашей планете существовала некая сверхцивилизация людей-великанов, под три метра ростом. Землю свою они именовали Гипербореей, а по другим источникам — Арктидой. Мудрый народ владел огромным количеством знаний. Пользовались даже энергией атомного ядра, строили летательные аппараты и летали на них не только по воздуху, но и в космосе! Гиперборейцы имели практически идеальное государственное устройство, до небывалых духовных высот поднялись в их стране искусства. Даже смерть здесь наступала лишь от усталости и пресыщения жизнью. А потом наступила эпоха великого оледенения. Большинство населения Гипербореи покинули прародину, и дальнейшая их судьба неизвестна. Может, вообще улетели на своих кораблях с нашей планеты? Но часть людей-великанов осталась в родных, ставших непригодных для нормальной жизни местах. И тогда они построили подземный город, где и поселились. Возможно, так и живут потомки гиперборейцев в искусственном подземном мире до сих пор. Ведь не зря в тех краях постоянно творятся какие-то аномалии: то снежных людей встречают, то НЛО видят... Но даже если и не уцелели «во тьме веков» подземные жители, то сам их город мог ведь все равно остаться!

В общем, заинтересовал тогда Герка Павла здорово. Особенно насчет гиперборейцев. Правда, тут Коготков его маленько остудил — найти загадочный лаз удавалось немногим, а войти в него не удалось вообще никому, мешал необъяснимый лютый страх, даже ужас, набрасывающийся внезапно на исследователей. Да и не под силу подобная экспедиция двоим энтузиастам-любителям, тут нужна команда посерьезней и подготовка соответствующая. А вот поход к сейдам более реален, хотя и он таит в себе определенные трудности и непредсказуемость результата. Короче говоря, друзья остановили выбор на сейдах. Договорились сходить к Святилищу еще прошлым летом, но у Герки все никак не получалось выкроить денек-другой: то соревнования, то авралы на работе. А потом и сам Павел уехал в командировку до осени. Договорились в сентябре — дотянули до октября, а там и снег пошел...

Этим летом Павел дал себе зарок сходить к сейдам обязательно. Как только растаял снег, стал теревить Коготкова. Но прошлогодняя история повторилась: Геркины гонки, полеты, поездки не прекращались. Наконец, «железно» договорились на август, даже число наметили. И как раз накануне Герка сверзился с небес вместе со своим мотодельтапланом! Переломал ребра, сломал

ключицу и голень, получил сотрясение мозга. Отделался сравнительно легко, но загремел в больницу надолго, как минимум до нового снега.

И тогда Павел решил идти к Святилищу сам. Герку он в больнице навестил, все у того о дороге выпросил. Получалось так, что почти до самого места можно было проехать на машине — сначала сотню километров по шоссе, затем — около сорока — по проселочной дороге, ведущей на Кулозеро. И лишь последние десять-пятнадцать километров предстояло пройти пешком. Павел даже слегка разочаровался: он-то рассчитывал, что поход ожидается по-настоящему сложным, по местам, где нога современного человека ступала нечасто. А так... Да там, поди, все уже грибниками-туристами вытоптано и на каждом сейде помечено, что «Вася Пупкин был здесь».

Коготков, однако, Павла успокоил:

— Там мало кто бывает. Идут многие, а вот доходят единицы. Никто не знает, почему так получается, но найти Святилище трудно. Вроде и карты есть у людей, и навигаторы, а все мимо! Бывает, не по одному дню плутают — и назад-то дорогу не сразу находят. Я бы тебе, Палтус, не советовал туда одному соваться. Погоди, вот я оклемаюсь...

— ...и мы пойдем туда на лыжах, — закончил за приятеля Павел, слегка обидевшись на «Палтуса» — старое школьное прозвище.

— Ну, в следующее лето... — поморщился от боли Герка.

— Ладно, лечись, — положил Павел руку на здоровое плечо экстремала. — Послезавтра приду, расскажу. Принесу тебе ма-а-аленький сейдик.

— Ты что, не вздумай! — вскинулся Герка, но тут же застонал и опустил голову на подушку. — Не вздумай трогать камни...

— Что так?

— Нельзя! Касаться сейдов нельзя. Даже подношения бросались к ним с расстояния.

— А если потрогать? — усмехнулся Павел.

— Не стоит, — очень серьезно ответил Герка. — И вообще ходить туда одному не советую.

— Ладно... — неопределенно кивнул Павел. — Лечись давай.

И вот сбылись Геркины «страшилки» — Павел заблудился! Ему, заядлому и опытному грибнику, никогда даже компас в лес не бравшему, стало стыдно. И, если честно, страшно. Сначала страх был именно таким, которым, по рассказам Коготкова, отгоняли от себя непрошенных гостей духи камня. Но Павел быстро стряхнул с себя наваждение, и страх стал самым обыденным — не

найти дороги до ночи. В августе ночи на севере хоть и короткие, но все равно неприятно. Да еще дождь...

О Святилище Павел уже и не думал. Найти бы дорогу, на которой оставлена машина. Можно было бы заночевать в ней, а завтра поискать сейды еще раз. Или ну их? Поехать домой, принять горячую ванну, переодеться в сухое, выпить рюмку коньяка и завалиться в теплую, уютную постель... А завтра пойти к Герке в больницу и признаться, что тот был прав — сейды к себе не пускают.

Вот уж хренушки! Позору потом не оберешься. Подобная мысль Павла сразу подстегнула, и он зашагал наугад, непонятно уже — к Святилищу или к машине. Страх почти прошел, оставалась злость — на дождь, на себя, на Герку, на бабку-лопарку...

Бабка встретила его почти сразу, едва он отошел от машины. Старая саамка в национальной одежде собирала чернику на лесном взгорке. Медленно разогнула спину, глянула на Павла острыми маленькими глазками, скрипуче ответила на его приветствие:

— Здравствуй, молодой человек. По грибы пришел? Далёко забрался!

— По грибы, бабушка, — махнул ведерком Павел. Он всегда собирал грибы в небольшое

ведерко, а потом пересыпал их в жестяной короб, упрятанный в рюкзаке за спиной. — Есть тут грибы-то?

— Как не быть! Лес же... — беззубо засмеялась старуха.

— А вы-то как тут? До поселка же тридцать верст!

— Не только в поселке люди обитают, — загадочно улыбнувшись, ответила старуха. Павел кивнул и отошел уже метров на десять, когда старая лопарка бросила вслед: — Эй, парень! Только к камням не ходи. Не пустят тебя духи-то...

Павел от неожиданности замер. Хотел обернуться, но понял, что сделать этого не может. Зябкий ветерок шевельнул волосы на затылке, и тут же Павла «отпустило». Он медленно повернул голову. Бабки нигде не было.

«Ерунда, это же лес, — успокоил себя Павел. — Отойди на пару шагов в сторону — из-за кустов и деревьев тебя и не видно». Но лес-то тут как раз был редким — все просматривается на полсотни метров вокруг. Вот и дорогу отсюда видать, и его красную «Ладу Калину».

И все-таки Павел решил не брать в голову ни исчезнувшую бабуку, ни ее дурацкое предостережение. А может она вовсе поиграть с ним решила? Такая вот старушка-затейница попалась? Захотелось парня пугнуть, а потом еще и

спряталась для пущего эффекта! Но вот отчего он повернуться сразу не мог? Гипноз? Старая шалунья-гипнотизерша, развлекающаяся в безлюдном лесу в десятках верст от ближайшего селенья... Глупости какие. Да просто он по-детски испугался старушечьих слов насчет духов! Испугался от неожиданности, потому что накануне как раз об этом говорил с Геркой. Вот потому и боялся повернуться — сработали причуды психики и собственного подсознания.

Павлу наконец-то стало смешно, бабкино «колдовство» полностью рассеялось. Он даже понял, откуда здесь взялась старуха: в паре километров отсюда Павел видел стоявший у обочины синий «Рено Логан». Павел представил, как древняя бабка лихо наруливает по лесной дороге и рассмеялся уже в голос. Конечно, на самом-то деле старуха здесь не одна, а с сыном, зятем, внуком, кем еще там...

«Да-а-а... — мысленно протянул Павел. — И в такой глуши шагу не ступишь, чтобы с человеком не столкнуться!» Он поддернул рюкзак и зашагал вперед в самом прекрасном расположении духа. Сразу стали попадаться грибы — в основном подосиновики, маленькие, крепкие, похожие издали в грязно-белом мху на оранжевые шарики от пинг-понга. Сначала Павел радовался: не прошло и полутора часов, а он уже вывалил в заплечный

короб два ведерка. Но вскоре грибное изобилие начало его немного раздражать. Сколько он прошел? Километров пять? Значит, до Святилища, если верить Коготкову, оставалось еще столько же, а то и вдвое больше. А время уже близилось к полудню. Значит, два-три часа туда, час там, часа четыре обратно... Получается, к машине он выйдет часов в восемь вечера, а то и в девять. До дому ехать не менее пары часов, хорошо, если к полуночи вернется. Впрочем, что в этом такого уж страшного? В девять вечера в августе еще светло, дома никто не ждет. Ничего страшного, абсолютно ничего. Бутерброды есть, два литра газировки...

Вспомнив про воду, Павел понял, что хочет пить. Снял рюкзак, сел на большой плоский камень. Это, случайно, не сейд? Да нет, непохоже. Невзрачный, серый, вросший в мох... Павел сделал пару больших глотков из бутылки. От пузырьков газа защекотало в носу. Настроение сразу улучшилось. «Подумаешь, десять километров, — подумал Павел, пряча газировку в рюкзак. — И никто меня не заставляет собирать эти грибы всю дорогу. Лучше даже так сделать — набрать сейчас еще ведерко, высыпать в короб, и оставить его где-нибудь под кустиком. И больше до Святилища на грибы внимания не обращать. Так и идти легче, и отвлекаться не нужно, значит, дойду быстрее. А

на обратном пути можно будет пособирать грибы еще».

Разумное решение прибавило настроения и сил. Павел еще пару километров пути пособирал грибы, потратив на это минут сорок. Высыпав очередное ведерко подосиновиков в короб, он достал его из рюкзака, отнес в кусты, положил рядом ярко-красное ведерко. Подумал, не оставить ли тут и рюкзак, но в нем были бутерброды, вода... Может, переложить в ведерко и идти с ним? Нет, пусть лучше руки будут свободными. И Павел забросил легкий рюкзак за плечи. Затем он осмотрелся и увидел поблизости три высокие ели, две из которых, казалось, срослись макушками, так переплелись их верхние ветки. «Вот и метка для схрана отличная!» — обрадовался Павел.

Дальше он шел, как учил Герка, — строго на север, легко ориентируясь по солнцу.

«Увидишь горушку с лысой макушкой — обходи ее, лучше с правой стороны, — говорил Коготков. — Ее ты никак не пропустишь, если пойдешь в правильном направлении. За горушкой — большое болото, но если смотреть на него от горы, то опять же справа будет узкий участок, там переходи смело, не увязнешь. Затем еще километра два на север — и будет сопка. Левый ее склон пологий, там и находятся сейды. Сопку ты еще издалека увидишь, от болота. А если не поленишься

забраться на ту лысую горушку, то весь путь будет у тебя как на ладони».

Все в Геркином объяснении казалось предельно понятным. Павел ничуть не сомневался, что все он найдет быстро и правильно. Только вот теперь он шел и шел, а никаких горушек видно не было, ни лысых, ни волосатых. Павел глянул на часы. Он оттопал уже полтора часа после того, как оставил короб. Пусть и по лесу, но налегке и быстрым шагом, километров шесть-семь он всяко должен был бы пройти. Итого, получается, что он прошагал километров четырнадцать, ну пусть тринадцать. Уже, по идее, должен бы дойти до Святилища, а он еще не добрался до этой дурацкой лысой горы! Правильно он идет? Правильно. Сейчас два часа, вот солнце, вон там — юг, значит там — север. Туда он и идет. Солнце врать не будет. А вот Герка насчет расстояний вполне мог ошибиться. Он и так сказал «километров десять-пятнадцать», разброс немаленький. Если пять кэмэ он спокойно допустил в минус, то почему бы те же пять не прибавить в плюс? Легко! Стало быть, все нормально, и лысая горушка покажется вот-вот.

Примерно так успокаивал себя Павел еще в течение часа, пока небо не затянуло тучами и не зарядил нудный, хоть и не очень сильный дождь. «Ну вот, ты-то откуда взялся? — чертыхнулся про

себя Павел. — Небо же час назад совсем чистым было — ни облачка!»

Дождь — это очень плохо. Во-первых, сыро и неуютно, а во-вторых, пропал основной ориентир — солнце. Теперь Павел стал сожалеть, что не взял компас, сыграла дурацкая гордость — как же так, он, такой крутой грибник и будет ходить в родных лесах с компасом! А перед кем гордился-то? И чем? Теперь вот ищи его, север-то! Павел прекрасно знал, и по собственному опыту, и из книг, что всякие советы из учебников насчет ориентирования по мху на деревьях или по их годичным кольцам для заполярных лесов абсолютно не подходят. Не срабатывают здесь подобные законы — и все тут. Ориентир один — красно солнышко. Или звезды ночью. Есть, правда, еще один способ — компас... Тьфу ты, вот идиот!

Можно было еще натереть о сухую тряпку иголку, намагнитить ее, и аккуратно положить на воду. Иголка тоже покажет на север не хуже компаса. Но где ее взять в лесу? Если только еловую или сосновую. Ха-ха.

Становилось совсем не смешно. Павел продолжал идти в прежнем направлении, но он уже сильно сомневался, прежнее ли оно. Оставался еще вариант залезть на дерево и посмотреть, где же эта горюшка-лысовушка, зараза... А деревья стали мокрыми, скользкими, тронешь за ветку —

получишь холодный душ за шиворот. Но лезть все равно надо, Павел все отчетливей это понимал. И полез, куда ж деваться... Выбрал ель повыше да покрепче, с прочными частыми ветвями — и полез. Руки сразу же испачкались в смоле, искололись о хвою, ноги то и дело соскальзывали с наклоненных вниз мокрых веток; пару раз Павел чуть было откровенно не сорвался. Что делать, в северном лесу на березу не полезешь — она кривая и низкорослая, а у сосны ветки высоко начинают расти. Остается ель — колючая и смолянистая. И покорить ее, «зимой и летом стройную», Павлу все-таки удалось. Но, как оказалось, зря. Никаких горушек и сопок поблизости не наблюдалось. И весь горизонт был затянут сплошной пеленой дождя. От расстройства Павел едва не сорвался в третий раз.

А потом он стал делать то, чего ни в коем случае нельзя делать, заблудившись в лесу — и Павел это хорошо знал, — он начал метаться! Почему-то подумал, что север совсем в другой стороне — и дернул туда. Через полчаса бега по мокрым кустам запыхался и остановился отдышаться. Решил вернуться к прежнему направлению, пошел сначала быстрым шагом, но снова сорвался и побежал. На бегу решил, что надо искать уже не Святилище, а обратную дорогу. Не останавливаясь развернулся, бросился назад.

Споткнувшись о корень, уткнулся носом в мокрый, как губка, мох. Вскочил, тут же поскользнулся и снова упал. Захотелось реветь — от обиды и злости, а еще — от подступившего к сердцу холодному, как этот сырой мох, страха...

До наступления темноты Павел так никуда и не вышел — ни к сейдам, ни к машине. Дождь почти утих — моросило совсем чуть-чуть. Но небо было по-прежнему затянуто низкими тучами. Впрочем, ориентироваться по звездам Павел все равно не умел. Да и не мог он уже никуда идти; от блужданий по лесу и нервного потрясения он устал так, что ноги больше не держали. Благо что рядом росла разлапистая старая ель, раскинувшая нижние ветви почти по самой земле, образуя подобие шалаша. В этот импровизированный шалаш и рухнул Павел, как стоял, не снимая даже с плеч рюкзака. И сразу же провалился в тяжелый, бездонный, беспросветный как хмурое небо сон.

Впрочем, скоро в глухой черноте сна забрезжил неяркий изменчивый свет, словно бы вдалеке горел костер. Вот свет стал ярче, огонь будто приблизился к Павлу. То что костер может двигаться, его ничуть не удивило. Но все-таки это был именно костер, и его горячие языки уже ласково тянулись к озябшим рукам Павла. А по другую сторону искрящего пламени сидела

бабка-лопарка — та самая, что встретила утром у дороги.

— Ну что, не послушался? — зашамкала старуха беззубым ртом. — Говорила ж тебе, парень, не ходи к камням! Не пустили тебя духи-то...

— Кто вы? — спросил Павел, зачерпывая в ладони горячее, но совсем не обжигающее пламя. Тепло от рук побежало вверх, к плечам, шее, голове, разлилось блаженной волной по всему телу.

— Кто я? — переспросила старуха. — Не помню, сынок. Я здесь так долго... Я здесь всегда. Да и не важно сейчас это. А вот кто ты? И зачем тебе духи камней?

— Ни за чем, — пожал плечами Павел. — Мне ни к чему духи. Я просто хотел посмотреть камни.

— Эти камни не для того, чтобы смотреть. Они могут помочь, но могут и навредить. Кому как. Их выбор неведом, но всегда верен. Потому я и спросила тебя: кто ты? Ты мне сможешь ответить?

— Наверное, нет, — сказал Павел и сам удивился своим словам. — Я не знаю, кто я.

— Ты правильно ответил, сынок, — печально засмеялась саамка. — Очень правильно. И потому, когда ты найдешь себя, духи станут к тебе благосклонны, и все пути — открыты.

Старуха вместе с костром стремительно стала удаляться от Павла.

— Пойдите! — закричал Павел, но, как часто бывает во сне, вместо крика раздался лишь неразборчивый шепот.

2

Павел проснулся. Над ним весело сияло солнце. Рядом чернели головешки от костра. От костра?! Но костер же ему приснился! Наяву была лишь ель с ветками шалашиком. Кстати, где она? Павел вскочил на ноги и заозирался вокруг. Что за чертовщина?! Никаких елей рядом не было. Вернее, были, но совсем маленькие — под такими не от дождя укрываться, а лишь в угол на Новый год ставить. Еще — молоденький березняк, чуть дальше — большие березы... И гора. Гора с лысой макушкой! Совсем рядом! По сути, Павел находился сейчас у ее подножия.

Вот-те нате! Как он вчера умотался в поисках чертовой горы, а оказывается ходил совсем рядом. Может быть, даже крутился вокруг нее. Вполне возможно, что сама гора была скрыта завесой дождя. Хорошо, но где тогда ель? Ведь он точно помнил, что лег спать под большой елью. И откуда эта странная легкость во всем теле? Павел даже подпрыгнул и с изумлением понял, что совсем не ощущает своего прежнего веса! По теперешним ощущениям, он сбросил килограмм двадцать... И